

К. БАУЭРОВА

София и софиология сегодня*

После смерти о. Сергия Булгакова в 1944 году софиология постепенно исчезла из академической среды, а на первый план выступила неопатристика, представленная, прежде всего, Георгием Флоровским и Владимиром Лосским, Александром Шмеманом и Иоанном Мейендорфом. Постепенно она стала восприниматься как мейнстрим современного православного богословия**. Интерес к Софии преобладал, прежде всего, в малом кругу учеников и учениц Булгакова: в искусстве сестры Иоанны, в новой форме монашества, соединенной с вовлеченностью в служение обществу у матери Марии, в экклесиологии и в экуменической деятельности Льва Зандера, Павла Евдокимова и других***. Богословские категории, выдвинутые софиологией на первый план, сохранили свою действенность и в неопатристическом богословии, но без ссылки на свои софиологические корни. К таковым относились: антиномия, богочеловечество, лежащее в основе церкви в ее ненарушенной форме, но одновременно понимающее ее соединение с миром — и несущее на себе все грехи мира, все знаки

* Публикуемый текст представляет собой небольшой заключительный раздел пространной главы К. Бауэровой «Софиология» в коллективной монографии И. Нобл, К. Бауэровой, Т. Нобл, П. Парушева «Голоса православного богословия на Западе в XX веке. Современное богословие». М.: Издательство ББИ, 2019. С. 279–289.

** Об этом подробнее см.: *Antoine Arjakovsky*, “The Sophiology of Father Sergei Bulgakov and Contemporary Western Theology” // *St. Vladimir’s Theological Quarterly* 49: 1–2 (2005), pp. 219–235, здесь p. 220; *Ivana Noble*, «History Tied Down by the Normativity of Tradition?»; *Ivana Noble*, “The Neo-Patristic Synthesis” in *Ivana Noble et al., Wrestling With the Mind of the Fathers*.

*** Еще одним учеником Булгакова был Константин Андроников (1916–1997), который перевел на французский язык произведение учителя.

падения, — динамическое понимание традиции, интегрирующей верность ее предыдущим формам и необходимость эти формы по-новому и творчески развивать.

Православная среда долгое время оставалась под влиянием памяти о софиологических спорах. Интерес к религиозной философии продолжался, прежде всего, в западных христианских кругах, как в католических, так и англиканских. Принимая во внимание наш контекст, необходимо упомянуть работу Центра Алетти в Оломоуце (Чехия) вместе с издательством Refugium, которое имеет заслуги в переводе произведений Соловьева, Флоренского и Булгакова на чешский язык* и которое во главе с кардиналом Томасом Шпидликом продолжило работу центра Алетти в Риме, основанного в 1991 году Обществом Иисуса с целью систематического изучения традиции христианского Востока**. Сегодня работу центра Алетти в Оломоуце представляют иезуиты Павел Амброс и Михал Алтрихтер. Кардинал Томас Шпидлик в своем объемном труде возвращается как к источникам русской софиологии и ее представителям, так и к святоотеческим корням учения о Софии, в особенности, в творчестве св. Василия Великого***. В своем изложении он стремился не к объективизации учения о Софии, но, наоборот, попытался понять ее иконическую сторону и также ее представлял****.

Интерес к софиологии и к русской религиозной философии сохранился и в англиканской среде. Он вырос, главным образом, из среды Содружества св. Албания и преп. Сергия, которое действует и поныне от дня своего основания в 1928 году*****. Софиология и, в особенности, идеи Булгакова привлекли англиканского богослова Роуэна Уильямса, который, хотя и посвятил свою диссертацию о Владимиру Лосскому, позднее вернулся к Булгакову. Его вместе с Флоренским он причисляет к сторонникам имяславия со Святой горы Афон. Он показывает, как в их понимании язык получает священное измерение, соединяя мир с Абсолютом. Наряду с этим Роуэн Уильямс высоко оценил социально-экономическое

* См.: *webové stránky*: <http://www.refugium.cz>.

** См.: *Pavel Ambros*, “Centrum Aletti a nakladatelství Refugium v Olomouci” // Edward G. Farrugia, *Encyklopedický slovník křesťanského Východu*, Olomouc: Refugium, 2010, s. 198–199.

*** *Tomáš Špidlík*, *La sophiologie de S. Basile*, Roma: Pontificium institutum orientalium studiorum, 1961; *Tomáš Špidlík*, “Sofiologie sv. Basila” // Michal Altrichter a Pavel Ambros, *Od Sofie k New Age*, Velehrad: Centrum Aletti, 2001.

**** *Špidlík*, *Ruská idea*, s. 316.

***** См.: <http://www.sobornost.org/index.php>.

мышление Булгакова, видя в нем более свободную альтернативу коммунистическому и к социализму, и к идеологии свободного рынка^{6*}. Софиология и, в особенности, творчество Сергия Булгакова пробудили также огромный интересу Джона Милбанка, бывшего студента Роузена Уильямса, представителя т. н. радикальной ортодоксии, вышедшего из англиканской среды. Через учение о Софии у Соловьева, Флоренского и Булгакова Милбанк рассматривает Софию как посредника между творением и Творцом. Он избирает для нее греческое выражение *μεταξύ* — «между», которая не только соединяет два элемента между собой, но причастна одновременно обоим. С этой точки зрения он идентифицирует Софию как посредника человечества, которое одновременно присутствует и в тварном, и в нетварном полюсе действительности^{**}.

С 1990-х годов постепенно начала проявляться новая волна интереса к софиологии в православной среде: и на Западе, и в России^{***}. Из русских исследователей мы приведем, к примеру, Алексея Козырева из Московского университета, который занимался софиологией в творчестве Соловьева и Булгакова и редактировал переводы их работ^{****}. Творческое вдохновение в софиологии нашел Алексей Иванов, который в качестве писателя и философа, попытался интерпретировать софиологию с точки зрения современного контекста постсоветской России. Религиозно-философский характер софиологии он проанализировал в широком спектре

^{6*} См.: *Rowan Williams*, "General Introduction" // *Sergius Bulgakov: Towards a Russian Political Theology*, pp. 8–10, 12.

^{**} *John Milbank*, "Sophiology and Theurgy: the New Theological Horizon", лекция, прочитанная в октябре 2005 для *Orthodox Christian Studies*, Wesley House, Cambridge. Доступно на http://www.theologyphilosophycentre.co.uk/Milbank_SophiologyTheurgy.doc. Заимствовано из статьи *Brandona Gallahera*, „Graced Creatureliness: Ontological Tension in the Uncreated/ Created Distinction in the Sophiologies of Solov’ev, Bulgakov and Milbank”, *Logos: A Journal of Eastern Christian Studies*, 47.1–2 (2006), pp. 163–190, здесь р. 166. Об этом также подробнее см., например: *Adrian Pabst*, *Christoph Schneider* (eds.). *Encounter Between Eastern Orthodoxy and Radical Orthodoxy: Transfiguring the World Through the Word*, Farnham: Ashgate Publishing, 2009.

^{***} В обзоре софиологии в России мы исходим, главным образом, из статьи *Джонатана Р. Сейлинга*, который разделяет современные исследования софиологии на две группы: конструктивистско-конфессиональные и исторические. См.: *Jonathan R. Seiling*, "Assessment of the Recent Sophiological Tradition", *Landshaft*, 2 (2008), pp. 1–17, здесь р. 4.

^{****} А. П. Козырев (ред.), С. Н. Булгаков: *Религиозно-философский путь: Международная научная конференция, посвященная 130-летию со дня рождения*, М.: Русский Путь, 2003.

от национально-славянофильского, культурно-исторического, философско-религиозного, вплоть до позиции сравнительного религиоведения или гендерных исследований. Он рассматривал Софию как центральный для России концепт. Полагая, что этот концепт важен не только как богословский термин, но софиология важна для тех русских, которые хотели бы вернуться к культурному и интеллектуальному наследию своего народа, и это также на чисто теоретическо-научном уровне, безотносительно к религии*. Творчество Владимира Соловьева занималась Виктория Кравченко, опубликовавшая обширную монографию, посвященную его учению о Софии**. Мы не можем не упомянуть также деятельность издательства «Русский Путь»***, которое продолжает работу издательства ИМКА-ПРЕСС, а с 1991 года до сегодняшнего дня оно внесло значительный вклад в издание архивных материалов, включая личную переписку Булгакова, Рейтлингер, Скобцовой, а также в обновленное издание их сочинений. В западных университетах также была реабилитирована, по преимуществу софиология отца Сергея Булгакова****.

Появились работы, переоценивающие односторонний взгляд на отношение софиологии и неопатристики*****. Например, Аристотель Папаниколау из Фордемского университета в Нью-Йорке проанализировал влияние Сергея Булгакова на богословие Владимира Лосского и на его терминологию (антиномия, апофатическое и катафатическое богословие, личности и естественность, а также

* Aleksej V. Ivanov, "The Philosophical-Theological Idea of Sophia: The Contemporary Context of Interpretation", *Russian Studies in Philosophy* 35:4 (1997) pp. 6–23.

** Кравченко, *Владимир Соловьев и София*.

*** См.: интернет-страницы издательства www.rp-net.ru.

**** Весьма подробно разработанный библиографический список, касающийся богословия Сергея Булгакова см., например: <http://www.catherinebairdbooks.com/the-catalysts/sergei-bulgakov/>.

***** Достойна упоминания противоположная тенденция, продолжающая отдавать предпочтение исихастской традиции в ущерб софиологии, искусственно отрывающая их от остальной православной традиции, выраженная в работах русского богослова Сергея Хоружего, основателя независимого Института синергийной антропологии в Москве. Свой проект нового вида антропологии, основанной на традиции исихазма и французской феноменологии, он рассматривает как новую альтернативу той дезинтеграции, которую принесли религиозные мыслители и художники т. н. «русского серебряного века», включая и Владимира Соловьева. Как считает Хоружий, названное движение есть всего лишь смесь идей александрийской школы и гнозиса. См.: *Jonathan R. Seiling, Assessments of the Recent Russian Sophiological Tradition*, p. 3.

кеносис Духа Святого)*. Брендон Галлахер из Эксетера реабилитировал богословские истоки Булгакова и показав его в новом свете в качестве приверженца хорошо обоснованной неопатристики, что подтвердил примерами из его обширного творчества**. Не противопоставляя Булгакова Лосскому и Флоровскому, он оценил, однако, вдохновение, внесенное Булгаковым в неопатристическое направление***. Также он вернулся к отношению Булгакова к пантеизму и к его концепции *панентеизма*. Он показал, что концепция *панентеизма* Булгакова укоренена в учении о Святой Троице****. Еще одним автором, кто заметно реабилитировал богословские отношения между Флоровским и Булгаковым, является Павел Гаврилюк из университета св. Фомы в Миннесоте*****. Поль Валлери также занимался Булгаковым как представителем творческого течения русского богословского мышления, который сделал акцент на человечестве в Боге^{6*}. Для реабилитации софиологии Булгакова немало сделал Антуан Аржаковский, православный богослов, который многие годы проработал в Греческо-католическом университете во Львове, а сегодня преподает во Франции, в католическом Коллеже де Бернардин^{7*}. Исследования Аржаковского касаются темы софиологии Булгакова в контексте современного западного богословия и вдохновляющих моментов его богословия в области догматики, экклесиологии и искусства. Произведения, которые вновь вводятся в диалог Булгакова, Лосского и Флоровского, реабилитируют не только их богословскую взаимосвязь, но и раскрывают на основе

* См.: Papanikolaou & Eastern Orthodox Theology.

** Papanikolaou & Eastern Orthodox Theology. С. 544.

*** Gallaher, "The 'Sophiological' Origins of Vladimir Lossky's Apophaticism".

**** Brandon Gallaher, Antinomism, Trinity and the Challenge of Solov'evan Pantheism in the Theology of Sergij Bulgakov // Studies in East European Thought 64:3-4 (2012), pp. 205-225.

***** Paul Gavriljuk, "Georges Florovsky's Reading of Maximus: anti-Bulgakov or pro-Bulgakov?" // Maxim Vasiljević, ed.. Knowing the Purpose of Creation through the Resurrection: Proceedings of Symposium on St. Maximus the Confessor, Alhambra, CA: Sebastian Press & Univ. of Belgrade Press, 2013, pp. 407-415; "The Kenotic Theology of Sergius Bulgakov", Scottish Journal of Theology 58 (2005), pp. 251-269; Georges Florovsky and the Russian Religious Renaissance. См.: Павел Гаврилюк. Георгий Флоровский и религиозно-философский ренессанс. К.: Дух и Літера, 2017.

^{6*} См.: Valliere, Modern Russian Theology, "Sophiology as the Dialogue of Orthodoxy with Modern Civilization", in Judith Deutsch Komblatt and Richard F. Gustafson (eds.), Russian Religious Thought, Madison: University of Wisconsin Press, 1996, pp. 176-192.

^{7*} См.: Arjakovsky, "The Sophiology of Father Sergei Bulgakov and Contemporary Western Theology".

работы с архивными материалами и их человеческие отношения, как мы видим, например, у Екатерины Евтюховой, которая показала, как отношения между Булгаковым и Флоровским дошли до взаимного отчуждения и вновь вернулись к примирению*.

Кроме русской софиологии как целого были заново открыты некоторые ее аспекты как внутри православия, так и вне его. Если мы оставим в стороне гностическое и теософское подобия Софии**, так в рамках гендерных исследований и феминистской критики берет слово женская сторона Софии и соответствующие ей темы. Например, Михаил Эпштейн более подробно разрабатывал тему женственности Софии в русском мистицизме***. В России Елена Митина с точки зрения культурно-исторической противопоставила греческий концепт Софии, соотносимый с Христом русской традиции, где София представляет собой вечную женственность и Мать Божью****. Также современный немецкий богослов Томас Шипфлингер считает Марию воплощением Софии, тогда как Иисус Христос есть воплощение Логоса. Книга Шипфлингера «София-Мария: целостное видение творения» представляет собой самый полный обзор развития учения о Софии. Шипфлингер ищет следы Софии в Писании, у отцов церкви, в искусстве и литературе. Он находит ее корни в мистике, в русском контексте и в буддизме, индуизме и прочих религиях. Уже из названия явствует, что Шипфлингер возвращается к теме отношения Софии и Марии и к космологическому видению целой вселенной. Книга дополнена целым рядом иллюстраций, изображающих Софию как ангела, Марию и Мать-землю*****.

Образ Софии как Матери-земли и с ней соединенная космология, основанная на софийности мира, содержит в себе также идею положительного содержания мира и человека, проникает

* См.: *Evtuhov*, “The Correspondence of Bulgakov and Florovsky: Chronicle of a Friendship”.

** См., например: *Sergei O. Prokofieff*, *The Heavenly Sophia and the Being Anthroposophia*, Forest Row: Temple Lodge Publishing, 2nd Rev. ed. 2006.

*** См.: *Michael Epstein*, “Daniel Andreev and the Russian Mysticism of Femininity”, in *Bernice Glatzer Rosenthal* (ed.), *The Occult in Russian and Soviet Culture*, Ithaca, NY: Cornell University Press, 1997, pp. 325–355.

**** См.: *Jonathan R. Seiling*, “Assessment of the Recent Russian Sophiological Tradition”, p. 8.

***** Его книга вышла сначала на немецком языке: *Sophia-Maria: Eine ganzheitliche Vision der Schöpfung*. Munich, Zurich: Verlag Neue Stadt, 1988, по позже в переводе на английский: *Sophia-Maria: A Holistic Vision of Creation* (на рус. яз.: *Томас Шипфлингер*, *София-Мария: целостное видение творения*, Гнозис Пресс — Скарабей, 1997).

в область исследований окружающей среды. Здесь ощутимо наследие эсхатологического видения мира у Соловьева, согласно которому мир находится в стадии развития и постепенно устремляется к совершенству. Из этого процесса не исключена природа на всех ее биологических ступенях. Соловьев, можно сказать, соединяет эволюционную теорию Дарвина с христианским взглядом на мир*. В наше время из нее исходит, например, Целиа Дине-Драммонд, которая ищет более эффективное и открытое к обществу понимание науки, где, в частности, биология, соединяется с христианским пониманием творения через Премудрость и современными научными сведениями и моральными дилеммами из них вышедшими**.

Не забыты также и библейские корни софиологии. Примером тому стали исследования Пола Фиддеса, профессора систематического богословия из Оксфорда, который возвращается к библейским образам Премудрости, прежде всего, к назидательной литературе, и приводит ее к диалогу с постмодернистскими вопросами, касающимися отношения человека и мира. Ветхозаветное понимание Премудрости помогает ему в поисках Бога при взаимодействии с современными авторами: Рикёром, Дерридой, Крестовой, Левинасом — Бога, который не господствует над миром, но, напротив, в нем активно присутствует и находится в отношении к нему***.

Весьма редко темой исследования становится темная сторона Софии, к которой в чешской среде обращается Мартин Ц. Путна в своем эссе под названием «София, София (мы все) софиологи»****. Он обращает внимание на парадоксы и сходства софиологических концептов Сергея Булгакова и Дмитрия Мережковского. Он поставил рядом с Булгаковым того же, кого поставила в своей критике и официальная церковь. Но при этом Путна критикует обвинения со стороны официальной церкви, которая запрещала Булгакову

* В этой связи мы можем упомянуть также католического богослова и иезуитского священника Пьера Тейяра де Шардена, который в своей концепции мира и его эволюции напоминает Соловьева, хотя прямо на него не ссылается. См., например: *Karel Truhlar*, Teilhard und Solowjow. Dichtung und religiöse Erfahrung, Freiburg Karl Alber Verlag, 1966.

** См.: *Celia Deane-Drummond*, *Creation through Wisdom: Theology and the New*.

*** См.: *Paul Fiddes*, *Seeing the World and Knowing God: Hebrew Wisdom and Christian Doctrine in a Late-modern Context*, Oxford: Oxford University Press, 2013.

**** См.: *Martin C. Putna*, «Sofia, Sofie, (my všichni) sofiologové» // *Martin C. Putna*, *My poslední křesťané*, Praha Torst, 1999, s. 219–256.

использовать в богословии поэтические образы. Напротив, считает Путна, поэтическая сила воображения присуща не только «вольнодумцам», к которым официальная церковь причисляла Мережковского. Он приходит к выводу, что «Булгаков намного ближе к Мережковскому, чем он сам того ожидает и чем ему бы понравилось»*. Кроме того, Путна не обходит тему падшей Софии у Булгакова и замечает, что эта ее форма отсутствует в сегодняшнем обновленном интересе к Софии: «это есть боль, которой страдает и всякая последующая софиология, включая Томаса Шипфлингера, все почитания Богини Земли, экологии и неоязычники Нью Эйджа, не говоря уже о радикальных феминистических богословах, и почитание апокалиптической Марии марианскими католиками. Все они уповают на то, что Она единственная, исключительная и несет добро»**. В этом отношении Путна прав, потемневший лик Софии в современных работах редко когда можно увидеть. Исключение составляет разве что вышеупомянутая исследовательница Целиа Дине-Драммонд***.

Мы можем утверждать, что в софиологию в рамках богословской интерпретации Софии постепенно возвращается то, что и есть собственно ее: целостность как интеграция инаковости, которая находится уже в ее истоках, ее методах и ее содержании. Это единство в различии мы можем найти как в богословских работах, которые сводят опять в диалоге неопатристику и софиологию, примиряя Лосского и Флоренского с Булгаковым и тем свидетельствуя о разнообразии и глубине источников софиологии.

Пожалуй, самой важной темой, которую софиология возвращает на первый план, есть отношение между богословием и мистикой. Возможно, стоило бы сказать, что в современном понимании Софии проявляется то, что всегда отличало софиологию. Настоящие почитатели Софии, собственно всегда были по своей сути, хотя бы отчасти, мистиками, юродивыми и людьми свободными настолько, что они могли легко передвигаться между отдельными сферами — между церковью и миром, традицией и ее инновацией, богословием и искусством, мечтой и действительностью, и на этих путях встретиться с Софией. Более того, София изначально вдохновляла

* *Putna*, “Sofia, Sofie, (my všichni) sofiologové”, s. 246.

** *Putna*, “Sofia, Sofie, (my všichni) sofiologove”, s. 255.

*** В этой связи мы можем упомянуть также католического богослова и иезуитского священника Пьера Тейяра де Шардена, который в своей концепции мира и его эволюции напоминает Соловьева, хотя прямо на него не ссылается. См., например: *Karel Truhlar, Teilhard und Solowjow. Dichtung und religiöse Erfahrung*, Freiburg Karl Alber Verlag, 1966.

также своей божественной игрой. В этом смысле особо интересен случай Сергия Булгакова. Но даже если мы посмотрим с точки зрения политических и юрисдикционных факторов, станет очевидно, что София и ее приверженцы старанием вписывались в рамки «стандартного школьного богословия». Изгнание софиологии из православного академического дискурса привело к тому, что она должна была искать другие способы выражения: в поэзии, воображении и искусстве в целом, но также на границе между религией и мирской средой. Софиология никогда не была закрытой системой, не занималась спекуляцией на четвертой Божественной ипостаси (в чем ее обвиняли), но стремилась найти убедительный способ выражения мистического опыта, обогащая богословский дискурс новыми формами художественного выражения, и мы видим, что сегодня опять она возвращается на сцену и представляет в области богословия один из весомых голосов.

